

Крошечная квартирка его имѣла всего двѣ комнаты съ корридормъ и кухнею, но для него этого было вполне достаточно.

Большую комнату онъ назначилъ для занятій, ѣды и пріемовъ. Между оконъ помѣстился письменный столъ и кресло, въ углу этажерка, вдоль стѣны—книжный шкафъ; напротивъ шкапа сталъ черный крошечный сосновый обѣденный столъ, надъ которымъ теперь весело горѣла стѣнная лампа съ вертушкой; въ углу деревянная колонна, подъ бѣлый мраморъ, съ гипсовой фігурою Наполеона въ его классической позѣ. Наконецъ, свободный уголъ комнаты (въ третьемъ—стояла печка) заняла гостиная: столъ, диванъ, два кресла на войлочномъ коврѣ съ изображеніемъ крадущагося среди зарослей тигра.

На окнахъ висѣли занавѣски, на дверяхъ—портьеры, въ четырехъ корзинахъ стояли растенія, а по стѣнамъ висѣли нѣсколько гравюръ и дюжины двѣ кабинетныхъ портретовъ въ рамкахъ. Все же въ совокупности имѣло такой уютный, привѣтливый видъ, что Федору Андреевичу былъ вполне прости-теленъ его самодовольный восторгъ.

Конечъ этимъ скучнымъ путешествіямъ по меблированнымъ комнатамъ съ ихъ шумомъ и гамомъ, съ непрошенными знакомствами, съ буйными или навязчивыми сосѣдями...

Въ своей квартирѣ человѣкъ всегда самъ себѣ хозяинъ.

И, наконецъ, это уже собственность, осѣдлость...

Растопишь печку, заваривъ чай и ярко освѣтивъ комнату, какъ легко и хорошо можно поработать, помечтать и... вдохновиться...

Федоръ Андреевичъ былъ поэтъ.

При этихъ мысляхъ онъ взглянулъ на свой письменный столъ, который, еще неубранный, казался какимъ-то унылымъ остовомъ, на пустую этажерку и книжный шкапъ и тотчасъ вспомнилъ, что ему предстоитъ еще уборка.

Онъ бодро прошелъ въ сосѣдную крошечную комнату, предназначенную для спальни, переодевшись и, вернувшись, занялся уборкой, для чего вытащилъ изъ стола всѣ ящики, биткомъ набитые всякими бездѣлушками и бумагами, а изъ кухни перетащилъ съ десятокъ свѣчныхъ ящиковъ съ книгами.

Письменный столъ онъ убиралъ съ особою тщательностью, какъ иная дѣвица убираетъ свой туалетный столъ, и въ этомъ отчасти сказывался его характеръ.

А характеръ у него былъ прекрасный! Кажется, не было такого человѣка, который, познакомившись съ нимъ, не полюбилъ бы его за его открытое сердце, за его громкій, искренній смѣхъ, за прямой взглядъ его большихъ сѣрыхъ глазъ.

А можетъ быть его любили и за то, что самъ онъ всѣхъ любилъ и причиненнаго ему зла никогда не помнилъ.

Испытавъ въ молодости борьбу и лишенія въ такомъ горнилѣ, какъ Петербургъ; безъ всякой поддержки проживъ годы университетскаго ученія,

служба въ одномъ изъ министерствъ уже шестой годъ безъ всякаго движенія, въ то время, какъ другіе, гораздо менѣе его способные, перегоняли его, Федоръ Андреевичъ къ 30 годамъ жизни сумѣлъ сохранить въ своей душѣ вѣру въ людей и всегда съ горячимъ убѣжденіемъ говорилъ, что въ своей жизни ни разу не встрѣчался съ дурнымъ человѣкомъ.

Знакомые слушали его съ ласковой, снисходительной улыбкой и качали головами, а, отходя отъ него, переглядывались и чуть замѣтно пожимали плечами.

Федоръ Андреевичъ былъ поэтъ, но не изъ тѣхъ, которые считаютъ себя призванными нести на своихъ раменахъ всѣ бѣдствія міра и потому вѣчно ноютъ; не изъ тѣхъ, которые, считая себя пророками, бичуютъ порокъ и проповѣдуютъ прописныя добродѣтели, а просто—поэтъ, въ рѣмованныхъ звукахъ изливавшій впечатлѣнія своей души.

И все казалось ему прекраснымъ и радостнымъ. Тѣмъ болѣе люди.

Среди окружающихъ его не было ни глупыхъ, ни злыхъ, ни корыстолюбивыхъ, ни завистливыхъ, и, если ему случалось слышать осужденіе того или другого поступка своего ближняго, онъ всегда находилъ ему оправданіе.

Про начальника отдѣленія, гдѣ онъ служилъ, Василя Семеновича Чемоданова, говорили, на-примѣръ, что онъ черствый эгоистъ, который для своей карьеры не поступится ничѣмъ.

И самая фигура его, сухая, длинная, прямая,

какъ палка, облаченная въ вицъ-мундиръ безъ одного пятнышка, въ сорочку, накрахмаленную такъ туго, что, переломись у него шея, голова держалась бы все такъ же прямо надъ стоячимъ воротничкомъ; самая фізіономія съ выскобленною кожею на верхней губѣ и подбородкѣ, съ тщательно расчесанными баками, съ презрительнымъ взглядомъ изъ за стеколъ золотого пенсне, съ узкимъ лбомъ и голымъ черепомъ; величественная походка аиста—все, казалось, подтверждало общее о немъ мнѣніе. Но Ѳедоръ Андреевичъ съ нимъ не соглашался.

Онъ указывалъ на массу дѣла, которую съ легкостью исполняетъ Чемодановъ; на огромную семью съ доброй полдюжиной племянниковъ и племянницъ, которыхъ онъ содержитъ, на всѣмъ извѣстные факты его неподкупной честности. И, совершенно забывая всѣ злые и дурные о немъ рассказы, искренно уважалъ его.

Въ то время, когда другіе смѣялись надъ маніей Петра Петровича Штрицеля мнить себя писателемъ, онъ горячо отстаивалъ за нимъ это благородное званіе, указывая на цѣлый рядъ его стишковъ, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ.

Павла Ивановича Тигрова, вопреки общему мнѣнію, онъ считалъ за умнаго человѣка, не обладающаго только даромъ слова, и даже Никодима Никодимовича Пузана, признаннаго всѣми за лицемеръ, онъ считалъ возвыщенной душою.

Словомъ, всѣ его знакомые были милѣйшіе люди; все, что они дѣлали, казалось ему прекраснымъ, и

даже лица, встрѣчавшіяся на улицѣ, казались ему всегда симпатичными и добрыми.

Въ то же время Федоръ Андреевичъ не былъ глухъ, какъ думали нѣкоторые изъ его знакомыхъ. Нѣтъ, это было просто свойство его души видѣть въ человѣкѣ прежде всего его хорошія стороны.

Когда Федоръ Андреевичъ закончилъ уборку, было уже 12 часовъ ночи. Онъ довольнымъ взглядомъ оглядѣлъ свой письменный столъ, ярко освѣщенный кабинетной лампой и теперь прибранный; посмотрѣлъ на шкапъ, за стекломъ котораго строгими рядами вытянулись корешки книгъ; на этажерку съ журналами и бумагами,—и усталое потянулся.

Потомъ, совершивъ свой ночной туалетъ, онъ загасилъ лампы и вошелъ со свѣчою въ спальную, гдѣ тотчасъ и улегся въ постель. Но едва онъ загасилъ свѣчу и плотнѣе закутался въ одѣяло, какъ произошло нѣчто удивительное...

II.

Прежде всего ему показалось, что въ сосѣдней комнатѣ мелькнулъ свѣтъ. Онъ торопливо всталъ, думая, что одна изъ лампъ не погасла; но въ комнатѣ было совершенно темно и торжественно тихо. Онъ улегся, и тогда до его слуха явственно донеслось шарканье туфель. Онѣ были, вѣроятно, безъ задковъ, и, время отъ времени, въ тишинѣ слышался стукъ набоекъ.

Федоръ Андреевичъ снова всталъ, зажегъ свѣчу, вышелъ въ сосѣдную комнату, крошечную перед-

нюю, прошелъ по корридору въ кухню и вернулся назадъ. Вездѣ было тихо и пусто, только въ кухнѣ за дровянымъ ящикомъ суетливо бѣгали мыши.

Федоръ Андреевичъ не былъ ни трусливъ, ни суевѣренъ. Это странное шарканье онъ приписалъ акустическимъ свойствамъ своей квартиры и спокойно улегся снова въ постель.

Но едва онъ погасилъ свѣчу, какъ въ корридорѣ раздались опять тѣ же звуки. Какъ будто кто-то вышелъ изъ кухни и медленной, старческой походкой шелъ по корридору къ передней. Федоръ Андреевичъ невольно откинулъ одеяло и насторожился. Темнота начала пугать его. Онъ всталъ, поднялъ занавѣску и опять улегся.

«Теперь гуляй»,—усмѣхнулся онъ, взглянувъ на блѣдную полосу свѣта, которую проложилъ яркій мѣсячный лучъ. Лучъ шелъ вдоль стѣны, освѣщая стулъ противъ кровати, платяной шкафъ, до самаго угла, гдѣ стоялъ умывальникъ.

Федоръ Андреевичъ закрылъ глаза. А туфли шаркали... онъ уже прошли корридоръ, прихожую, шаркаютъ по сосѣдней комнатѣ и, наконецъ, здѣсь, подлѣ кровати.

Федоръ Андреевичъ открылъ глаза и вдругъ съ легкимъ крикомъ поднялся и сѣлъ на постели. Онъ почувствовалъ, какъ кожа стягивается у него на черепѣ, шевеля волосы, и по спинѣ пробѣгаетъ холодная дрожь.

То, что онъ увидѣлъ, показалось ему до невѣроятности страннымъ. Въ полосѣ свѣта мимо него,

шаркая туфлямп, прошелъ малевькій, сморщенный старикъ въ пестрой ермолкѣ и халатѣ; онъ дошелъ до стула и сѣлъ на него, прямо противъ кровати. Сѣлъ, положилъ желтыя руки себѣ на колѣна, и вперилъ тусклый взоръ въ Федора Андреевича, который въ этотъ мигъ съ своимъ блѣднымъ испуганнымъ лицомъ самъ казался выходцемъ съ того свѣта.

И они молча смотрѣли другъ на друга въ голубоватомъ сіяніи луннаго свѣта...

Видѣнье стало казаться Федору Андреевичу реальнымъ. Въ слабой, скорченной фигурѣ старика не было ничего демоническаго, а его тусклый взглядъ былъ совершенно безобиденъ.

Федоръ Андреевичъ слегка оправился, но не могъ еще совладать съ своимъ голосомъ и хриплымъ шепотомъ спросилъ:

— Кто вы и что вамъ надо?..

— Вы мнѣ будете помогать; я—вамъ... Я вамъ много хорошаго сдѣлаю! О!—отвѣтилъ дребезжащимъ голосомъ старикъ, хотя фигура его осталась неподвижной, а сморщенное лицо мертвенно-покойно.

— Кто же вы?—повторилъ уже явственнѣе свой вопросъ Федоръ Андреевичъ.

— Я? Карлъ-Эрнестъ-Иоганнъ-Фридрихъ Пфейферъ. Фридрихъ Пфейферъ, аптекарь.

— Какъ вы попали сюда?

— Я? Я тутъ шестнадцать лѣтъ! Мнѣ нѣтъ покоя. О, шестнадцать лѣтъ! Биль здѣсь много людей, глухихъ людей. Я ходилъ на взѣхъ. Всѣ

боялся. Глупые люди! Ви мнѣ будете помогать, я вамъ. Я отъ васъ покой имѣть буду. О, шестнадцать лѣтъ... на ногахъ... здѣсь... ужасно!.. — И въ крошечной комнатѣ послышался какъ бы вздохъ.

— Какъ же я дамъ вамъ покой?—спросилъ Федоръ Андреевичъ и опустился на подушки, принявъ полулежачее положеніе.

— Ви вынимайте меня! У меня есть штукъ! О, какой! Я буду открывать вамъ, а вы меня—вонъ.

— Откуда?

— Здѣсь! Шестнадцать лѣтъ здѣсь... Карлъ Ивановичъ Шельмъ... о, самый настоящій Шельмъ! У него аптекъ, хорошій аптекъ на Гороховой, и онъ—тараканъ! О, хитрый шельмъ!..

— Я ничего не понимаю, — съ недоумѣніемъ произнесъ Федоръ Андреевичъ.

— О, это длинный исторій. Я вамъ буду рассказывать. Вотъ...

Въ это время гдѣ-то за стѣной часы глухо пробили три, и старичокъ вдругъ заволновался. Очертанія его стали блѣднѣть, расплываться; вмѣсто старичка появилось блѣдно-свѣтящееся облако, которое медленно растворилось въ воздухѣ...

Раздался оглушительный звонокъ, отъ котораго Федоръ Андреевичъ проснулся и вскочилъ съ постели. Зимнее солнце ярко свѣтило въ его окошко. Онъ было взглянулъ на часы. Стрѣлки показывали 10. Наскоро накинувъ на себя пальто, замѣнявшее ему халатъ, Федоръ Андреевичъ отворилъ дверь и впустилъ дворника, котораго вчера еще договорилъ

прислуживать по утрамъ, а потомъ снова легъ въ постель, чувствуя, что не выспался. Сонъ или видѣнїе продолжало какъ-то странно беспокоить его.

По корридору стучали сапоги дворника, изъ кухни доносилась его возня съ самоваромъ. Потомъ онъ вошелъ въ спальню съ охапкой дровъ, уложилъ ихъ въ печь и, присѣвъ на корточки, сталъ разжигать полѣнья.

— Послушай, — заговорилъ Федоръ Андреевичъ:—тебя какъ звать?

Дворникъ обернулъ къ нему свое молодое безбородое лицо и отвѣтилъ:

— Иванъ!

— Скажи, пожалуйста, Иванъ, отсюда давно съѣхали прошлые жильцы?

— А што?—и Иванъ какъ-то странно взглянулъ на Федора Андреевича.

— Да такъ спрашиваю. Давно?

— Мѣсяцъ, какъ съѣхали.

— А долго жили?

— Жили недѣлю... задатокъ зажили.

— А раньше были жильцы?

— Были.

Дворникъ отвѣчалъ какъ-то неохотно и каждый разъ послѣ отвѣта съ удвоеннымъ стараніемъ начиналъ дуть въ печку.

— И жили тоже неподолгу?—продолжалъ допытываться Федоръ Андреевичъ.

— Всяко было...

— Ну... самое большее?

— Мѣсяцъ жили.

— А больше?

— Больше не жили.

— Почему же уѣзжали?

Дворникъ раздулъ пламя и поднялся съ полу. При послѣднемъ вопросѣ онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Боятся, слышь! Говорятъ, быдто неладно тутъ, старикъ какой-то бродить. Ну, и пугаются.

Потомъ, постоявъ немного и видя, что баринъ лежитъ молча съ закрытыми глазами, сказалъ:

— Я все изготавилъ. Извольте запереть!—послѣ чего осторожно вышелъ изъ комнаты.

Федоръ Андреевичъ тотчасъ всталъ. «Значить, не сонъ,—рѣшилъ онъ, заперевъ дверь за дворникомъ и начиная одѣваться: —выходить, у меня квартира съ привидѣніемъ. Вотъ бы Прибыткову!» При этой мысли онъ улыбнулся, и къ нему вернулось обычное хорошее расположеніе духа.

III.

Въ 12 часовъ Федоръ Андреевичъ надѣлъ шубу и пошелъ на службу. У воротъ онъ пріостановился и сказалъ дворнику, чистившему панель:

— Если ко мнѣ, Иванъ, придутъ письма, ты ихъ возьми къ себѣ.

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ дворникъ.

«Славная фізіономія,—подумалъ, отходя, Федоръ Андреевичъ:—открытая, честная. Чисто-русская!»